

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ВВЕДЕНИЕ

Виктор Воронков, Цыпылма Дариева

Виктор Воронков. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований, 191040, Санкт-Петербург, а/я 193. voronkov@socres.spb.ru.

Цыпылма Дариева. Профессор антропологии, факультет международных региональных исследований, Университет г. Цукуба, Япония. Адрес для переписки: 1-1-1, Tennodai, Tsukuba-city, Ibaraki-prefecture, Japan, 305-8571 B 615, Institute of Humanities and Social Sciences, University of Tsukuba, Japan. tsypylma.darieva@inbox.ru. На момент подготовки номера являлась научным сотрудником и преподавателем в Институте европейской этнологии, Университет им. Гумбольдта, Берлин.

Южный Кавказ, или Закавказье, яркой характеристикой которого является культурное, религиозное и языковое многообразие, находится на сравнительно небольшой территории между Черным и Каспийским морями. На социально-политические процессы этого промежуточного пространства существенно повлияло геополитическое положение, всю историю делавшее государство Южного Кавказа ареной борьбы между конкурирующими державами. Особое внимание всего мира Южный Кавказ привлек к себе в последние два десятилетия, когда стал зоной политического «тектонического разлома» и его сотрясало от территориальных конфликтов и войн. Парадигма культурного многообразия накладывала отпечаток на формы репрезентации прошлого и настоящего Кавказа, которые часто окутаны множеством легенд и мифов, связанных как с эпохой античности, так и с современными геополитическими играми.

Что касается столкновения интересов различных научных дисциплин, то и здесь Кавказ как регион является пограничной зоной, объединяющей и разъединяющей Европу и Азию. Именно Кавказ объявили частью своих исконных «владений» две столкнувшиеся здесь региональные дисциплины — славистика и исследования стран Ближнего Востока. Специалисты в одной из них — из-за продолжительного и устойчивого влияния Российской империи (а позже — Советского Союза) на культуру, экономику и политику Кавказа, другие — в связи с наличием в регионе значительной доли мусульманского населения и не менее существенным давним влиянием переднеазиатских и ближневосточных культур.

Между тем Кавказ, имеющий продолжительную культурную историю и богатую «культурную мозаику», все еще остается на периферии международного научного интереса. Поражает слабая исследованность этого интереснейшего региона, что вызвано многочисленными причинами, которые обсуждаются в этом выпуске «Laboratorium» (в частности, в интервью с известнейшим российским антропологом Сергеем Арутюновым).

Несмотря на «европеизацию» системы высшего образования на Кавказе¹, мы сталкиваемся в государствах этого региона с процессами маргинализации науки в сочетании с территориальным изоляционизмом, оставшимся в наследство с советских времен. Очень трудно очертить общие контуры научного ландшафта в виду отсутствия живой дискуссии в сфере социальных наук как в самих государствах Южного Кавказа, так и с учеными соседних стран, в первую очередь России. Этот выпуск «Laboratorium» мы рассматриваем как начало обсуждения возможностей преодолеть оторванность кавказских социальных исследователей от современной профессиональной дискуссии, предлагая среди прочих антропологические работы молодых ученых, занимающихся вопросами трансформации повседневной жизни на Южном Кавказе после распада СССР.

Если отвлечься от некоторого роста числа исследований, проводимых иностранными учеными (в основном антропологами), то следует признать, что сегодня социальные исследования на Южном Кавказе представляют собой достаточно скудный ландшафт². Почему сами ученые Южного Кавказа не используют рост внимания к их региону для проведения серьезных исследований? Что тормозит здесь становление социальных наук? Нам представляется, что есть четыре важных причины создавшегося положения. Три из них в разной степени присущи всем постсоветским странам, включая Россию.

Во-первых, это отсутствие соответствующего образования, что связано с не преодоленными пока пороками советской системы образования. Уровень знаний студентов в большинстве случаев весьма уступает объему и качеству знаний студентов средних университетов Европы и США³. Конечно, сегодня появилась воз-

-
- 1 Так, с 2005 года в Армении и Грузии ведутся реформы структур высшего образования в рамках Болонского процесса, начатого на уровне министерств образования европейских государств в 1999 году при поддержке Европейской комиссии в целях стандартизации европейской системы высшего образования и повышения мобильности среди учащихся вузов.
 - 2 Наиболее заметной и плодотворной исследовательской группой мы считаем круг исследователей, сложившийся в Ереване вокруг Левона Абрамяна, книга которого о путях развития армянской идентичности в меняющемся мире, изданная на английском языке, опирается на солидные этнографические наблюдения изменений социальной жизни в постсоциалистическом Ереване (Abrahamian 2006). Однако в целом сильное влияние на антропологические исследования по-прежнему оказывает советская этнография с ее эссенциализмом и тенденцией к схоластическому теоретизированию (Соколовский 2009).
 - 3 Об этом можно судить по результатам многолетней программы поддержки молодых исследователей Фондом имени Генриха Бёлля. Серьезный конкурс позволил выбирать наиболее мотивированных и талантливых начинающих ученых, однако их знания (особенно это касается знакомства с современными теориями) и исследовательские навыки вызвали со-

возможность получать образование в западных университетах, однако немногие могут этим воспользоваться, да и те позже не очень-то стремятся вернуться на родину. Необходимая для качественных изменений в преподавании радикальная реформа системы образования проведена лишь в Грузии, да и там она, по словам одного из ведущих сотрудников администрации Тбилисского государственного университета, тормозится и пока не доведена до логического завершения. По-прежнему нет квалифицированных преподавательских кадров. Одновременно следует отметить беспримерный всплеск ангажированности в социальных науках. Особенно это заметно в азербайджанских учебных пособиях по истории, да и вообще в исторических трудах последних двух десятилетий⁴. Общественные науки стали полем битвы этнических и государственных национализмов.

Другой причиной слабости развития социальных наук стало отсутствие профессиональной среды, где мог бы «вариться» молодой ученый. Конференции и семинары проводятся от случая к случаю. Научных работ издается крайне мало, в библиотеках отсутствует актуальная зарубежная литература, многие молодые ученые жалуются на нерегулярность выхода местных профессиональных журналов.

Здесь необходимо отметить региональную специфику Южного Кавказа в отношении *организации* местной научной периодики, которая печатается в основном на локальных языках. Об этой традиции, сложившейся в 1960-е годы, говорит в своем интервью Сергей Арутюнов⁵.

жаление. Несколько выше можно было оценить только тех, у кого были зарубежные стажировки (например, учеба в Центральном-Европейском университете).

4 См., например, Аббасов 2006; Румянцев и Аббасов 2006; Шнирельман 2003.

5 Существует длинный список научных журналов по социальным наукам, издающихся более или менее регулярно в Грузии, Армении и Азербайджане на местных языках (и не только). Большая часть из них вышла в свет после 2000 года. Так, в Армении «Армянский гуманитарный вестник» выходит с 2006 года. Он публикует статьи в области языкознания, этнографии, фольклора, истории, литературы и искусства Армении. «Kron ev hasarakutyun» — «Религия и общество» выходит с сентября 2007 года, «21-rd dar» — журнал научно-образовательного фонда «Нораванк» издается с 2003 года, «Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies» — журнал Ассоциации ближневосточных и кавказских исследований в Ереване выходит на армянском и английском языках с 2006 года (журнал публикует статьи армянских и зарубежных авторов в области археологии, истории и культуры Армении и ближневосточного региона). Продолжают выходить и традиционные журналы Национальной Академии наук Республики Армении «Patmabanasirakan hands» («Историко-филологический журнал», с 1958 года) и «Lraber hasarakakan gitutyunneri» («Вестник общественных наук», с 1940 года). В Ереванском университете с 2006 года выходит «Ежегодник факультета социологии», а также «Вестник Ереванского университета», серии по социологии и экономике. В Грузии существует ряд периодических изданий, таких как социологический журнал «Епока» (Epoch). Историки, лингвисты и антропологи объединяются вокруг «Kartveluri memkvidreoba» («Грузинское наследие»), «Clio», «Analebi» («Анналы»), «Amirani». В Азербайджане это «Известия Национальной Академии наук. Серия гуманитарных наук»; «Археология и этнография Азербайджана» (издается Институтом археологии и этнографии Национальной Академии наук с 2003 года); «Азербайджан и азербайджанцы» (издается Президиумом Национальной Академии наук); «Известия Ба-

Однако проблема заключается не столько в наличии или отсутствии местных изданий, сколько в «закрытости» этих журналов для российского или любого неместного читателя, не владеющего армянским или грузинским языками. При отсутствии элементарной «мобильности» этих журналов за пределами отдельно взятой страны складывается ситуация, когда доступ зарубежных коллег к материалам и обсуждениям весьма ограничен.

В академических институтах и университетах во многом сохраняются уровень и правила организации «советской» общественной науки. Эти правила диктуются старшим поколением ученых, которые по-прежнему занимают все командные места в академическом истеблишменте (в меньшей степени это касается Грузии).

Третья причина «застоя» заключена в трудностях выживания за счет профессиональной академической деятельности. Это, впрочем, характерно для большинства постсоветских стран. Оплата научного труда (особенно молодых ученых) крайне низка, требует множественной занятости и не оставляет времени на глубокие исследования. Типичен ученый, который преподает сразу в нескольких вузах, подрабатывает на рынке опросов и участвует параллельно в нескольких околонаучных и вовсе не имеющих отношения к науке инициативах. Грантовые программы местных и представительств иностранных фондов не предполагают проведения серьезных исследований, а решения о выделении поддержки часто носят келейный характер⁶.

Все это ведет к тому, что молодые люди ищут возможности делать научную карьеру за рубежом. Там они стремятся получить соответствующее образование и позицию для проведения исследований. Создается впечатление, что уехало бы молодежи много больше, если бы не одна особенность ситуации в странах Южного Кавказа. И здесь следует отметить решающую роль в противодействии становлению академической науки на Южном Кавказе еще одной — четвертой — причины. Речь идет о действии в регионе многочисленных международных организаций, присутствие которых парадоксальным образом довершает обескровливание социальных наук. Дело в том, что чуть ли не каждый образованный и знающий иностранные языки молодой человек без особого труда найдет в таких организациях рабочее место, где заработная плата может на порядок превышать среднюю по стране. А в сравнении с крайне низкой оплатой труда ученого в научных учреждениях не возникает сомнений в том, какое место работы выберет молодой человек. Так что если эмиграция сохраняет шансы сделать научную карьеру, то уход из науки в сотрудники упомянутых организаций есть самый яркий пример «утечки мозгов». Нельзя не признать, что ряд этих международных организаций время от

кинского университета. Серия гуманитарных наук»; «Философия и социально-политические науки» (издается Азербайджанской ассоциацией философии и социально-политических наук) и, наконец, «Журнал университета Кавказ. Социальные и гуманитарные науки» — издается университетом «Кавказ» с 2003 года. Редакторы благодарят за помощь в создании списка Левона Абрамяна (Ереван), Кетеван Хуцишвили (Тбилиси) и Алиагу Мамедлы (Баку).

6 О проблемах «грантовой экономики» в постсоветских странах (на примере России) см. Соколов 2009.

времени проводит какие-то социальные исследования (исследовательские проекты — вовсе не цель деятельности таких организаций). Однако эти исследования носят сугубо прикладной характер, не соотносятся с академическими критериями научности, ангажированы задачами организации. Что особенно печально, в большинстве своем их результаты часто недоступны для широкой публики.

Впрочем, бывают случаи, когда иностранный фонд готов делать инвестиции в профессионализацию молодого поколения ученых на самом Кавказе. Исключительно успешной на фоне формальных инициатив других организаций следует признать специальную программу для молодых исследователей из стран Южного Кавказа, инициированную немецким Фондом имени Генриха Бёлля (Heinrich Böll Stiftung), который открыл свое представительство в регионе в 2002 году. В первый же год Фонд поддержал около 30 исследовательских проектов социологов, историков и урбанистов (в последующие годы это число постепенно сокращалось). Каждого из отобранных в результате конкурса исследователей курировал кто-то из известных ученых стран Южного Кавказа, России и Германии. Наиболее удачные работы ежегодно публиковались Фондом в сборниках статей (рецензии на некоторые из них вы найдете в этом номере «Laboratorium»), представивших читателю множество не звучавших ранее имен талантливых ученых. Эта программа дала старт целому ряду успешных исследовательских карьер, новых для региона направлений и методов исследования. Фамилии бывших стипендиатов стали все чаще появляться в зарубежных академических журналах. В этом номере «Laboratorium» читатель может ознакомиться со статьями нескольких выпускников бёллевской программы (Юлия Антонян, Тамар Зурабишвили, Сергей Румянцев, Гаяне Шагоян)⁷.

Статьи Эльзы-Баир Гучиновой, Гаяне Шагоян и Юлии Антонян частично базируются на их первоначальных версиях в виде эссе, размещенных в рамках весьма оригинального форума на страницах виртуального фестшрифта, посвященного шестидесятилетию армянского этнолога, заведующего отделом современной этнографии в Институте археологии и этнографии Академии наук Армении Левона Абрамяна (www.levonabrahamian.am). Учитывая все сложности в развитии социальных наук, региональную оторванность и постсоветский «застой» в профессиональной дискуссии на Кавказе, создатели этого сайта внесли свой альтернативный и живой вклад в научную жизнь Еревана. Рецензия на этот необычный приватно-публичный научный форум включена в этот сборник.

7 Справедливости ради стоит отметить, что, оторвавшись от русскоязычного научного пространства, ученые Южного Кавказа делают попытки по формированию персональных сетей сотрудничества не на уровне университетов и академий наук, как это было принято раньше, а в рамках «третьего» сектора при поддержке рынка грантов на научную деятельность. Сделав научную карьеру на Западе, некоторые молодые ученые вводят практику символического «возвращения» на родину, используя свой новый социальный капитал для подключения изолированного региона в глобальную научную дискуссию. Определенный толчок развитию исследований может дать проведенный в Ереване в июне 2009 года 39-й всемирный Конгресс Международного института социологов. См. www.scasss.uu.se/iis/iis2009.

Если ранее одним из факторов возникновения и сохранения культурного многообразия на Кавказе были горы (Анчабадзе и Волкова 1993: 6), то после распада Советского Союза более серьезные препятствия для взаимобмена создали локальный национализм и этноцентризм. Они и стали основной причиной научной оторванности и демонстрации идеологического местничества в закавказских науках — истории, социологии и этнографии. Как отмечает Виктор Шнирельман (2003), этнические трения и конфликтная ситуация создавали

атмосферу хорошо ощутимой угрозы этническим ценностям, политическому и территориальному статусу отдельных этнических групп, заставляя местную интеллигенцию консолидироваться. В этих условиях доминировала корпоративность и ни о каком плюрализме исторических версий речи быть не могло; несогласные тут же оказывались в социальной изоляции (517).

Все это вкупе с традиционным советским подходом к локальной организации науки сыграло немаловажную роль в маргинализации (из государственной перспективы) серьезных исследований.

Что касается зарубежных исследований, то они постепенно преодолевают привычную экзотизацию поля⁸ и стараются выйти за рамки «постколониальных» исследований. Экзотизация окружающего имеет давние корни (с середины XIX века) в «русском ориентализме», исторической традиции конструирования мифического Кавказа под влиянием произведений русской литературы, искусства, средств массовой информации, советской этнографии и, наконец, внешнего восприятия повседневной жизни. В социалистическую эпоху образ Кавказа шлифовался под влиянием доминировавшего дискурса о «дружбе народов» и «восточном гостеприимстве».

После распада Советского Союза в связи с затянувшимися конфликтами на Северном Кавказе, экономическим упадком, интенсивной трудовой миграцией жителей закавказских республик в Россию и, наконец, войной в Южной Осетии в 2008 году российские средства массовой информации формируют враждебный собирательный образ Кавказа, закрепленный в расистском термине «лицо кавказской национальности». В ответ на недружелюбное поведение северного соседа на Кавказе распространяется существенное охлаждение интереса к России, а в области социальных наук происходит дальнейшая локализация, национализация и общая маргинализация. (Впрочем, последнее наблюдается и на многих других территориях постсоветского пространства.)

Сегодня Кавказ (как Северный, так и Южный) стал идентифицироваться с вооруженным насилием, жестокостью, клановостью, трайбализмом, этническими конфликтами и локальными войнами. Нет ничего удивительного в том, что многие политологи и историки сфокусировали свое внимание на изучении национальной

8 До последнего времени подавляющее большинство текстов о Кавказе (особенно русскоязычных) могут являться сильным аргументом в пользу концепции Эдварда Саида об ориентализме как специфическом «европейском» взгляде на «восток» из перспективы превосходства, разного рода расизма и догматических стереотипов (Said 1978).

идентичности, коллективной памяти, политического ислама, «межэтнических» отношений (Гордин 2003; Шнирельман 2003; Тишков 2007; Цуциев 2007; Мамедли 2008; Auch 1996; 2004; Shnirelman 2001; Cornell 2001; 2002; Lynch 2003; Champion 2004; Reisner 2004; Wheatley 2005; Soghomonyan 2004; Yunusov 2007; King 2008).

В силу глобализации и формирования нового геополитического статуса Кавказ с его энергетическими ресурсами и транспортной значимостью приобретает новое значение, а вместе с этим начинает интересовать западных антропологов, лингвистов и историков. Южный Кавказ становится своеобразным фронтиром для социальных исследователей, постепенно осваивающим его. В современной дискуссии одним из интересных направлений в истории и социальных науках является микроуровневый и более детальный антропологический подход к изучению социальной жизни без экзотизации местных представлений и практик.

Так, историкам после приобретения закавказскими республиками независимости представилась возможность доступа к государственным и бывшим партийным архивам. Не случайно историки обращаются к анализу национализма и становления и функционирования институтов советской власти в регионах. Кавказ стал полем изучения природы «большого террора», сталинизма и коллективных форм насилия на территории «одной шестой части суши», как это отмечено в трудах немецкого историка Йорга Баберовского (Baberowski 2003; 2007). Здесь стоит подчеркнуть и новизну подхода в описании истории сталинизма на Кавказе Баберовским, который анализирует архивный материал на необычном для историков микроуровне через призму повседневной жизни, социальные практики, отношение городского и деревенского населения к власти, а также через индивидуальные биографии⁹.

Такой «антропологический поворот» в истории и социальных науках все больше и больше приобретает популярность в разных научных сообществах и в России (Прохорова 2009: 13). Суть его заключается в смещении центра анализа с макроуровня политических и общественных абстракций и национальных героев на микроуровень повседневной жизни человека, социальных практик малых групп и поведенческих моделей различных субкультур. В социальных науках явно наблюдаются качественный прорыв в сфере методологии и взрывной характер использования антропологических методов исследований, в основе которых лежат включенное наблюдение, продолжительные полевые исследования и давно уже вошедший в моду интерпретативный принцип «насыщенного описания» Клиффорда Гирца (Geertz 1973).

В то же время хочется добавить, что за последние двадцать лет и в самой антропологической науке произошла постмодернистская эмансипация. В процессе самокритики по отношению к чрезмерной культурализации социального мира и примата статичности репрезентации коллективных миров в западной антропо-

9 Здесь необходимо отметить и работы Георгия Дерлугьяна, профессора социологии в Северо-западном университете Чикаго, автора опубликованной в США книги «Тайный почитатель Бурдые на Кавказе: мир-системная биография» об одном из первых активистов национального движения в Абхазии и Чечне (Derlugian 2005).

логической науке центры анализа существенно сместились в пользу признания плюралистского и индивидуального видения миров. Классическое исследование отдаленного селения племени нуэров в рамках целостного «поля» перекочевало вместе с предметом исследования во множество фрагментов и уровней городско-го пространства глобального мира. Вместо видения структуралистски ритуализированных общин антропологи предлагают более гибкое описание того или иного быстро меняющегося культурного феномена, видимых и невидимых линий разлома привычных поведенческих паттернов, активной позиции человека и многонаправленности обществ в контексте «транснационального» и «космополитического» (Taussig 1987; Strathern 1999; Humphrey 2002; Appadurai 1996; Schiller 2004).

Что касается последних работ западных социальных и культурных антропологов, посвященных обществам южно-кавказского региона, то здесь следует подчеркнуть следующее. С одной стороны, в отличие от многих российских специалистов-этнографов, западные ученые предпочитают проводить длительные полевые исследования в одном или нескольких местах. Достаточно хорошее знание местных языков дает им преимущество в более глубоком изучении того или иного социального феномена «изнутри». С другой стороны, владея армянским, грузинским или азербайджанским, западные этнологи и лингвисты имеют трудности с русским языком и потому остаются вне научной дискуссии. Она до сих пор во многом проходит на этом языке, который, несмотря на падение его значения на Кавказе, сыграл здесь существенную роль в становлении сообществ, их модернизации, а также стал своеобразным мостом в развитии науки.

Возникновение социальных контуров «кавказской реальности» и истории репрезентации культуры насилия и плена во взаимоотношениях между Россией и Кавказом описывает Брюс Грант в своей последней книге (Grant 2009). В среде англоязычных антропологов эта книга уже сейчас вызвала дискуссию о проблеме источников этнологических исследований, поскольку проведенный анализ полностью опирается на существующую литературу о Кавказе, поэтические произведения, беллетристику и кинофильмы советской и царской эпох¹⁰. С учетом того что не все владеют русским языком, книга Гранта, несмотря на нехватку этнографических данных, является весьма ценным вкладом в изучение «культурной мозаики» и трансформации социальных ценностей в кавказском регионе.

Ряд серьезных исследований был проведен западными этнологами в постсоветской Грузии. Пауль Маннинг изучает культурную историю грузинской интеллигенции, архитектуру, словесность и материальную культуру городского населения Грузии, повседневные практики потребления и «раскручивания» брендов различных сортов напитков (Manning 2009: 71–102; www.dangerserviceagency.org). Его работы о культуре питья и общения в эпоху становления капитализма, социализма и постсоциализма перекликаются с глубоким анализом феномена грузинского застолья в постсоветской Грузии, сделанным немецким этнологом Флорианом Мюльфридом, рецензия на книгу которого включена в этот номер журнала (Mühlfried 2006).

10 См. интернет-форум <http://openanthcoop.ning.com/group/caucasus>.

Стоит упомянуть работы немецких исследователей Яна Кёлера (Koehler 2000) и Барбары Кристоф (Christophe 2005), попытавшихся раскрыть особенности культуры мужских союзов в Грузии, социальной организации городского насилия и роль коррупции в грузинском постсоветском обществе.

Одна из самых интересных работ о Грузии за последние десять лет создана голландским этнографом, преподавателем Лондонской школы экономики и политической науки Матийсом Пелькмансом, который написал «социальную биографию» турецко-грузинской границы после падения железного занавеса в Аджарии (Pelkmans 2006). В 2007 году американское Общество антропологии Европы присвоило Пелькмансу приз имени Уильяма Дугласса за научный вклад в изучение повседневной жизни жителей трех аджарских городов, отметив блестящий анализ практик преодоления страха, конструкции новых идентичностей и популяризации перехода из ислама в христианство как стратегии выживания в новом национальном государстве. Рецензия на эту книгу также включена в этот номер журнала.

Что касается изучения постсоветской повседневности в Армении, то наиболее яркие работы приходятся на начало 1990-х годов, когда американские антропологи Нора Дадвик (Dudwick 1994) и Стефани Платц (Platz 1996; 2000) мужественно вели включенное наблюдение во время Карабахской войны и энергетического кризиса. В 2004 году в Берлине при Институте европейской этнологии начались исследования по транснациональным репрезентациям и перекодировке коллективной памяти в (пост)социалистической Армении.¹¹ Новый проект посвящен актуальным вопросам трансформации городского публичного пространства в трех закавказских столицах (Darieva 2008) .

Что касается Азербайджана, то эта часть Кавказа остается до сих пор в основном «закрытой» для социальных исследователей. Возникает вопрос: в чем причина отсутствия научных интересов к этой стране? Правда, за последние десять лет вышли несколько интересных работ. Гюлия Демирдирек, как и Ингрид Пфлугер-Шиндельбек, обращаются к таким классическим темам этнологической науки, как меняющаяся система родства, народная религия и гендер в городском и сельском контекстах Азербайджана. Лале Ялчин-Хекманн, руководитель группы изучения социального гражданства на Южном Кавказе при Институте этнологических исследований имени Макса Планка, рассматривает антропологию экономики современной азербайджанской свадьбы, а также новые практики отношения к иму-

11 Городская антропология и социология города крайне плохо представлены как на самом Кавказе, так и среди иностранных исследователей региона. Нам известны два фундаментальных исследования, проведенные в 1980-е годы в Армении и Азербайджане. В 1986 году в Ереване была опубликована книга на русском языке «Население Еревана. Этносоциологические исследования» (Арутюнян и Карапетян 1986). Социалистической трансформации образа жизни в азербайджанских городах была посвящена книга Аббасов 1987. Целью берлинского проекта «Политика идентичности на Южном Кавказе. Национальные репрезентации, постсоциалистическое общество и городское публичное пространство» является попытка выявить общие и особые тенденции трансформации городского публичного пространства и культурной репрезентации постсоветских столиц Закавказья с помощью этнографических методов исследования.

ществу и земле после распада колхозов (Demirdirek and Whitehead 2004; Pfluger-Schindlbeck; Yalçın-Heckmann 2007; 2009).

Исходя из активного участия антропологов в исследованиях Южного Кавказа в сфере социальных наук в основу этого тематического выпуска журнала мы положили результаты исследований с «антропологическим уклоном». Нам представляется, что это одно из самых интересных направлений в изучении социальной действительности, поскольку микроуровневый и более детализированный антропологический подход позволяет подойти к изучению процесса трансформации социального мира и социальной идентификации без лишней экзотизации локальных представлений и практик.

Эти исследования касаются динамично изменяющегося социального пространства на Кавказе: миграций и их воздействия на современное общество, меняющихся гендерных отношений, повседневных практик выживания в экстремальных условиях, процессов упадка и восстановления городской и сельской жизни.

Составители и редакция выражают искреннюю благодарность Нино Лежава, Руслану Барамидзе, Севиль Гусейновой и Гаяне Шагоян за ценные замечания и помощь в оформлении ссылок на литературу на кавказских языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аббасов, А. 1987. *Образ жизни в новых городах Азербайджана*. Баку: Элм.
- Аббасов, Ильгам. 2006. Национальная история в средних учебных заведениях в контексте образа «исторического врага» // *Южный Кавказ: территории, истории, люди* / Науч. ред. Екатерина Герасимова. Отв. ред. Нино Лежава. Тбилиси: Фонд им. Генриха Бёлля: 62–80.
- Анчабадзе Ю.Д. и Н.Г. Волкова. 1993. *Народы Кавказа. Книга 1*. М.
- Арутюнян Ю.В. и Э.Т. Карапетян (отв. ред.). 1986. *Население Еревана. Этносоциологические исследования*. Ереван: Наука.
- Гордин, Я. А. 2003. *Россия и Чечня: поиски выхода*. СПб.: Издательство журнала «Звезда».
- Мамедли, Алиага Эйюб оглы. 2008. *Современные этнокультурные процессы в Азербайджане. Основные тенденции и перспективы*. Баку: Изд-во «Университет Хазар».
- Прохорова, Ирина. 2009. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // *Новое литературное обозрение* 100 («Антропология закрытых обществ»): 9–16.
- Румянцев, Сергей и Ильгам Аббасов. 2006. С кого начинается Родина? Парадоксы формирования национальной идентичности путем апроприации «экстерриториального» национального героя // *Ab Imperio* 2: 275–321.
- Соколов, Михаил. 2009. Российская социология после 1991 года. Интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium: журнал социальных исследований* 1: 20–57.
- Соколовский, Сергей. 2009. Российская антропология: иллюзия благополучия // *Неприкосновенный запас* 1: 45–64.
- Тишков, Валерий. 2007. *Российский Кавказ. Книга для политологов*. М.: ФГНУ.
- Цуциев, Артур. 2007. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)*. М.: Европа.
- Шнирельман, Виктор. 2003. *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига.
- Abrahamian, Levon. 2006. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers.
- Appadurai, Arjun. 1996 *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

- Auch, Eva-Maria. 1996. *Lebens- und Konfliktraum Kaukasien. Gemeinsame Lebenswelten und politische Visionen der kaukasischen Völker in Geschichte und Gegenwart*. Großbarkau: Edition Barkau.
- Auch, Eva-Maria. 2004. *Muslim–Untertan–Bürger. Identitätswandel in gesellschaftlichen Transformationsprozessen der muslimischen Ostprovinzen Südkaukasiens (Ende 18.-Anfang 20. Jh.)*. Wiesbaden: Reichert.
- Baberowski, Jörg. 2003. *Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus*. München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Baberowski, Jörg. 2007. *Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. Frankfurt/Main: Fischer.
- Champion, Phill (ed.) 2004. *From War Economies to Peace Economies in the South Caucasus*. London: Business and Conflict Programme, International Alert.
- Christophe, Barbara. 2005. *Metamorphosen des Leviathan in einer postsozialistischen Gesellschaft: Georgiens Provinz zwischen Fassaden der Anarchie und regulativer Allmacht*. Bielefeld: Transcript.
- Cornell, Svante. 2001. *Small Nations and Great Powers. A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*. Richmond: Curzon.
- Cornell, Svante. 2002. *Autonomy and Conflict. Ethnoterritoriality and Separatism in the South Caucasus. Cases in Georgia*. Uppsala universitet Department of Peace and Conflict Research report no. 61. Uppsala: Distributed by the Dept. of Peace and Conflict Research, Uppsala University.
- Darjeva, Tsyplma. 2008. "The Road to Golgotha: Representing Loss in Postsocialist Armenia." *Focaal. European Journal of Anthropology* 52: 92–108.
- Demirdirek, Hülya, and Judy Whitehead (eds.). 2004. *Sexual Encounters, Migration and Desire in Post-Socialist Context(s)*. Special issue. *Focaal. European Journal of Anthropology* 43 (summer).
- Derluguian, Georgi M. 2005. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dudwick, Nora, 1994. *Memory, Identity, and Politics in Armenia*. Ann Arbor: UMI.
- Geertz, Clifford. 1973. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Grant, Bruce. 2009. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press.
- Humphrey, Caroline. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press.
- King, Charles. 2008. *The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Koehler, Jahn. 2000. *Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien*. Münster: LIT.
- Lynch, Dov (ed.). 2003. *The South Caucasus. A Challenge to the European Union*. Paris: Institute for Security Studies.
- Manning, Paul. 2009. "The City of Balconies. Elite Politics and the Changing Semiotics of the Post-Socialist Cityscapes." Pp.: 71–102 in: Kristof van Assche, Joseph Salukvadze, and Nick Shavshvili (eds.) *City Culture and City Planning in Tbilisi: Where Europe and Asia Meet*.
- Mühlfried, Florian. 2006. *Postsowjetische Feiern: das Georgische Bankett im Wandel*. Stuttgart: ibidem Verlag.
- Pelkmans, Mathijs. 2006. *Defending the Border: Identity, Religion, and Modernity in the Republic of Georgia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Pfluger-Schindlbeck, Ingrid. 2005. *Verwandtschaft, Religion und Geschlecht in Aserbaidschan*. Wiesbaden: Reichert.
- Platz, Stephanie. 1996. *Pasts and Futures: Space, History, and Armenian Identity, 1988–1994*, PhD Dissertation, University of Chicago Department of Anthropology.
- Platz, Stephanie. 2000. "The Shape of National Time: Daily Life, History and Identity during Armenia's Transition to Independence, 1991–1994." Pp.: 114–138 in Daphne Berdahl (ed.). *Altering States: Ethnographies of Transition in Eastern Europe and the Former Soviet Union*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

- Reisner, Oliver. 2004. *Die Schule der Nation: eine sozialhistorische Untersuchung der nationalen Bewegung in Georgien am Beispiel der „Gesellschaft zur Verbreitung der Lese- und Schreibkunde unter den Georgiern“ (1850-1917)*. Wiesbaden: Reichert.
- Said, Edward W. 1978. *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
- Schiller, Nina Glick. 2004. "Transnationality." Pp.: 448–467 in: David Nugent and Joan Vincent (eds.). *A Companion to the Anthropology of Politics*. Malden: Blackwell.
- Shnirelman, Victor. 2001. *The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Osaka: National Museum of Ethnology
- Soghomonyan, Vahram. 2007. *Europäische Integration und Hegemonie im Südkaukasus. Armenien, Aserbaidschan und Georgien auf dem Weg nach Europa*. Baden-Baden: Nomos.
- Strathern, Marilyn. 1999. "Parts and Wholes: Refiguring Relationships in a Post-Plural World." Pp.: 75–104 in Adam Kuper (ed.) *Conceptualizing Society*. London: Routledge.
- Taussig, Michael. 1987. *Shamanism, Colonialism, and the Wild Man: A Study in Terror and Healing*. University of Chicago Press.
- Wheatley, Jonathan. 2005. *Georgia from National Awakening to Rose Revolution: Delayed Transition in the Soviet Union*. Aldershot: Ashgate.
- Yalçın-Heckmann, Lale. 2007. "Openings and Closures: Citizenship Regimes, Markets and Borders in the Caucasus," in: Bruce Grant and Lale Yalçın-Heckmann (eds.). *Caucasus Paradigms. Anthropologists, Histories and the Making of a World Area*. Münster: LIT.
- Yalçın-Heckmann, Lale. 2009. *Rural Property and Economy in Postsocialist Azerbaijan*, Habilitation thesis, Halle/Saale.
- Yunusov, Arif. 2007. *Azerbaijan in the Early of XXI Century [sic]: Conflicts and Potential Threats*. Bakı: Adiloğlu.